

У ходе стачачнай барацьбы рабочыя пераходзілі да ўстанаўлення кантролю над прадпрыемствамі. Так, у ліпені на заводзе сельскагаспадарчых прылад А.Берліна быў выбраны заводскі камітэт. Рабочыя завода поўнасьцю падпарадкаваліся рашэнням заводскага камітэта і перадавалі яму ўсе скаргі і заявы. Без рашэння камітэта адміністрацыя завода не мела права наймаць і звальняць работнікаў [5, 30 июля].

Фабрычны камітэт фабрыкі “Дзвіна”, дзе працавала 1400 чалавек, устанавіў кантроль над адміністрацыяй па пытанні працы дзяцей [5, 5 августа].

У канцы ліпеня 1917 г. адбыліся змены ў кіруючым органе прафсаюзаў Віцебска. Цэнтральнае Бюро было перайменавана ў Цэнтральны Савет. Стары прэзідыўм адмовіўся працаваць і адкрытым галасаваннем выбраны новы яго склад. Старшынёй застаўся Г.Я. Арансан, сакратаром Э.Цэтлін [5, 2 августа].

Рэвалюцыйныя падзеі кастрычніка 1917 г. змянілі растаноўку палітычных сіл у прафсаюзах. Лідэры сацыялістычных партый адмоўна ўспрынялі Кастрычніцкую рэвалюцыю ў Петраградзе. Таму пасля ўзяцця большавікамі ўлады ў Віцебску адбыліся перавыбары як Саветаў, так і прафсаюзаў. У выніку палітычную перавагу ў прафсаюзах атрымалі большавікі.

Крыніцы і літаратура

1. Документы и материалы по истории Белоруссии / Ин-т истории АН БССР; под ред. В. Н. Перцев. – Минск : АН БССР, 1954. -Т.IV. – 515 с.
2. Витебский листок. – 1917.
3. Профсоюзное движение на Витебщине: история, опыт, уроки / ред., И.В. Мандрик, В.Г. Стаценко, В.М. Шорец. – Витебск, 2000. – 102 с.
4. Известий Витебского Совета солдатских и рабочих депутатов.– 1917.
5. Известия Витебских Советов Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов.– 1917.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКИХ БОЁВ 1917 ГОДА (ПО ДНЕВНИКАМ Ю.В. АРСЕНЬЕВА)

Н.К. Миско, А.И. Свинаренко

Москва, Исторический музей

В фонде 43 ОПИ ГИМ [1], среди прочих документов Арсеньевых – представителей древнейшего дворянского рода России – хранятся дневники Юрия Васильевича Арсеньева – историка, профессора Московского Археологического Института, специалиста по геральдике и генеалогии, действительного статского советника, участника Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг., который был хранителем Оружейной палаты с 1898 г. до своей смерти в феврале 1919 г. Дневники охватывают период с 1 января 1914 г. по 11 августа 1918 г. В нашем докладе мы рассмотрим, какой предстаёт повседневная жизнь кремлёвских обывателей в период октябрьских боёв в дневниках одного из непосредственных свидетелей этих событий. Временные рамки работы – канун октябрьского переворота в Петрограде (24 октября), заканчиваем же рассмотрение дневников первой неделей ноября, когда в Москве окончательно победили большевики и когда только-только начинается процесс осознания произошедшего и новой реальности, в которой теперь приходится существовать жителям Москвы. Все даты даются по старому стилю.

Будучи хранителем Оружейной палаты, Арсеньев занимал служебную квартиру в Кремле на Дворцовой улице, идущей вдоль западной стены Кремля, в одном из Ка-

валерских корпусов (не дошедших до наших дней). Благодаря скрупулезности, с которой автор записывал всё происходящее и услышанное им за день, в дневниках нашли отражение не только его личное отношение ко всему переживаемому и хронология событий, он также подробно описывает разрушения кремлёвских сооружений, тщательно записывает все слухи о происходившем в Москве и Петрограде, доходившие до обитателей Кремля. Кроме этого, по дневникам вырисовывается картина повседневной жизни гражданского населения Кремля в это непростое время.

С тех пор как в Петрограде победила революция и в Кремле обосновались солдаты 56-го полка, то есть с 26 октября, Кремль практически находился на осадном положении: туда почти никого не пускали и не выпускали, в том числе – жителей Кремля. Арсеньев записывает, что утром 26 октября с большим трудом удалось вернуться в Кремль гувернантке его дочери, которая ночевала у родных. Арсеньеву пришлось самому *«выйти к Троицким воротам и вести переговоры с грубыми солдатами, не впускавшими никого, не исключая даже и офицеров и членов судебных учреждений»*. 27 октября *«в Кремль и из Кремля впуск и выпуск были свободнее»*, а 30 октября в Кремль удалось проникнуть жене племянника Ю.В. Арсеньева, юнкера Василия – Ольге, попавшей туда будучи в одеянии сестры милосердия. Но 31 октября, в связи с усилением обстрелов Кремля, жителям было предписано не только не выходить из Кремля после 7 часов вечера, но и вообще не покидать свои дома. Трудности с проходом в Кремль продолжались и после окончания боёв и перехода Кремля в руки большевиков: сам Арсеньев смог выйти из Кремля только 6 ноября.

Первое время единственным средством связи были местные телефоны, так как почта не функционировала с 27 октября. В частности, Арсеньев упоминает, что за 28 октября, когда на смену большевикам пришли юнкера, в его доме побывало большое количество юнкеров и офицеров, которые пользовались его телефоном для связи с родственниками. Сам Арсеньев также получал информацию о происходившем от родных и друзей по телефону. Телефонная связь работала до вечера 31 октября, когда аппараты принудительно демонтировали по всему Кремлю, так как, по слухам, *«большевики завладели телефонной станцией и главным телеграфом на Мясницкой»* – записывает Арсеньев. Всё это время жители не могли посылать и получать любую корреспонденцию: Арсеньеву удалось послать письма родным лишь 6 ноября, когда он впервые смог выйти из Кремля, а все адресованные ему за полторы недели письма он начал получать 5 ноября, основная масса была получена лишь 7-го числа.

С вечера 28 октября Кремль пребывал практически в полной темноте, так как ради безопасности, в связи с начавшейся стрельбой из Замоскворечья, было решено погасить свет в окнах, выходивших на улицу, а также все газовые уличные фонари. На следующий день свет не включали *«по случаю недостатка нефти»*, а затем, как пишет Арсеньев 30 октября, уже по причине того, что *«электрическая станция в Кремлёвском саду – под обстрелом большевиков, и все стёкла выбиты»*. Всё это время Арсеньевы *«освещались тремя керосиновыми лампами»*. 31 октября было предписано *«завешивать все окна в домах, освещенные по вечерам»*. Электрическим освещением в Кремле не пользовались 8 дней – вплоть до 4 ноября.

С 27 октября прекратились регулярные службы в кремлёвских соборах, и таким образом жители были лишены посещения церковных служб. Лишь 5 ноября Арсеньев наконец попал на всенощную в подземном храме-подвале Чудова монастыря.

Что касается вопроса продуктового обеспечения Кремля, то никаких проблем, судя по дневникам Арсеньева, с этим не возникало. Очевидно, старых запасов было достаточно, другое дело – неизвестно было, сколько будет продолжаться такое

«осадное положение», и 1 ноября он записывает, что «в Кремле организуется снабжение жителей хлебом и другими продуктами, для чего составляются списки. Наши дворцовые подписаны князем Одоевским, и поступили на распоряжение интендантского полковника Мартынова – неизвестно ещё, когда начнётся эта раздача».

По-видимому, не было трудностей и с обеспечением провизией военных. 31 октября Арсеньев записывает, что «Всю ночь возили мясо в Кремль, реквизированное из складов Охотного ряда», а «Во 2-м часу прибыл в Кремль опять большой транспорт муки».

Самое ужасное и беспокойное время, пережитое обитателями Кремля – это дни обстрела Кремля большевиками. Редкие выстрелы в сторону Кремля начались ещё 29 октября, но самое страшное происходило начиная с середины дня 1 ноября и закончилось только утром 3-го. Жителям квартиры Арсеньева (в их числе – его дочь Линочка, её кузина Бабаха, их гувернантка Аманда Августовна и их прислуга) приходилось прятаться то в подвалах своего Кавалерского корпуса, то в квартире князя Одоевского-Маслова (главы Дворцового управления), которая была более безопасной.

Насколько тревожными были эти переживаемые дни, можно судить по тому, что события этих двух дней Арсеньев записывает в дневнике задним числом – только 3-го ноября вечером. Про первый день самых опасных обстрелов, 1 ноября, Арсеньев пишет, что, узнав о серьёзных повреждениях Кремлёвского дворца, понял, что нужно срочно бежать прятаться в нижние этажи Кавалерских корпусов: «Под грохот пальбы и щёлканья частых оружейных выстрелов, мы пробрались к подвалу: по пути была давка в коридорах, бежавших сюда служащих с их семьями. В подвале собралось нас всего 12 человек: кроме нас и нашей прислуги и семьи Архипа ещё какая-то женщина с грудным младенцем, захватили с собой и наших двух собачек. Просидели мы в подвале около 1 ½ часа, когда нас разыскал лакей Одоевских с их приглашением прийти к ним в квартиру, где казалось безопасно».

2 ноября, когда юнкерами и офицерами было принято решение оставить Кремль, «Во Дворцовых помещениях, при усилившейся стрельбе, началась настоящая паника между обывателями». Вскоре открылась возможность бежать из Кремля по специальным «паспортам», однако Арсеньев быстро понял, «что выход из Кремля теперь немыслим, так как, спасаясь от артиллерийского обстрела, неминуемо попадёшь под не смолкавший ружейный, и вообще нечего и думать уходить куда-либо из Кремля».

Днём, «около ½ 12», -записывает Арсеньев, «пальба достигла своего апогея... Грохот орудийных выстрелов стал ещё оглушительнее. Пробравшись с трудом через переполненные народом коридоры в наш подвал, мы пробыли в нём с ½ 12 почти до 3-х часов, после чего пошли к Одоевским...». Позже выяснилось, что Кавалерский корпус, в котором проживали Арсеньевы, был частично повреждён, и была немного задета их квартира. К вечеру 2 ноября юнкера и офицеры покинули Кремль, и с минуты на минуту ожидалось прибытие большевиков. Арсеньевы снова остались ночевать у Одоевских, так как обстрелы закончились только к утру 3-го числа, тогда же бесшумно проникли в Кремль большевики. С 3 ноября начинается другой этап жизни кремлёвских обитателей уже в новой, большевистской реальности.

Ещё одна важная часть аспекта повседневности в дневниках Ю.В. Арсеньева связана с упоминанием огромного количества слухов, которыми живёт Кремль в дни боёв. С учётом того, что доступа к какой-либо информации у Арсеньева не было, так как, по его словам от 26-го, «газеты сегодня не вышли, кроме крайних левых...», а все последующие дни единственными источниками новостей были

юнкера и офицеры, оборонявшие Кремль и сами жившие слухами, а также переговоры по телефону с родственниками и знакомыми, заблокированными в своих жилищах, можно говорить, что Арсеньевы, как и подавляющее количество жителей Москвы, оказались в некотором информационном вакууме. Можно сразу отметить, что слухи были абсолютно разного характера, обнадеживающие и не очень, имеющие разное отношение к действительности, а печатные источники информации, получаемые Арсеньевым от того же племянника Васи, не проясняли ситуацию, а только, наоборот, её запутывали. Сами по себе слухи весьма репрезентативны и отображают ту ситуацию растерянности, непонимания реальной ситуации и практически полного отсутствия единого командования у белых, которые царили в Москве в те дни, и привели к тому, что само поражение контрреволюционных сил оказалось для их участников неожиданностью, и послужила поводом для возникновения версии о предательской сдаче всего дела.

Можно условно выделить несколько основных мотивов циркулирующих слухов. Первый слух – это очевидный и неминуемый успех антибольшевистских сил. Судя по записанным в дневнике Арсеньевым слухам, получалась довольно нелепая ситуация, когда многие жители Кремля в дни революционных боёв не имели представления о реальном положении дел и были скорее уверены, что большевики проигрывают не только в Москве, но и в Петрограде. Например, 26 октября читаем: *«из Петрограда есть будто бы известия, что большевики потерпели полное поражение от правительственных войск, а в Москве тоже большая часть войск против большевиков, а также и население городское, требующее изгнание большевиков-солдат из Кремля»*. Особенно интересно наблюдать, когда одни слухи Арсеньев буквально через несколько строк подтверждает другими, но также не имеющими никакой связи с реальным положением дел, так, в этот же день, 26-го, читаем: *«У нас были вечером Бартеневы и сообщили, что известие о разгроме большевиков в Петрограде, по-видимому, подтверждается телеграммой, полученной в военных кругах от министра Никитина»*. Иногда в один день Арсеньев записывает противоречивые сведения. 28 октября он пишет: *«Петроград, как слышно, окончательно взят правительственными войсками. Троцкий – злодей, уже повешен, Ленин – арестован»*. И вот другая запись, сделанная в этот же день, но ниже: *«Петроградские известия ограничиваются подробностями о взятии и разграблении Зимнего Дворца большевистскими войсками и об аресте министров»*. Одновременно частой темой для слухов была информация о неминуемом прибытии подкреплений сражающимся белым отрядам. Такие слухи появлялись каждый день и описывали прибытие армий и дивизий, разгружающихся уже на вокзале, что ничуть не мешало циркуляции слухов о том, что все вокзалы в руках большевиков. Другие слухи касались противоречивого поведения полковника Рябцева – на тот момент командующего Московским военным округом – в записанных Арсеньевым слухах, он предстаёт двуличной фигурой, разъезжает на белых конях, а за время боёв его умудрились отставить 2 раза, но после каждой “отставки” он продолжает отдавать распоряжения. Наконец, многочисленными были слухи о бесчинствах большевиков, на стороне которых обязательно были немцы, без которых столь умелая стрельба из орудий была бы невозможна. Так, Арсеньев записывает, что «большевики где-то захватили юнкера и плясали на нём», в Лёвшинском переулке большевики, прикинувшись мирными жителями, подпустили к себе юнкеров и забросали их ручными гранатами; кроме этого, они якобы разгромили Третьяковскую галерею.

В заключение отметим, что дневник Ю.В. Арсеньева является репрезентативным источником по изучению повседневности в условиях революционного

времени в Москве. В дневнике содержится ценная информация не только о лично переживаемых им событиях и их оценка, но также воспроизводится атмосфера панического и одновременно порой обречённого состояния, в котором находились жители Кремля в период октябрьских боёв, что усиливается в условиях циркуляции разнообразных, часто противоречивых слухов, благодаря чему особенно явно видится контраст между большими историческими событиями, коими они скоро станут, и жизнью простого обывателя.

Источники и литература

1. ОПИ ГИМ. Ф.43. Ед.хр. 101.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В МОСКВЕ В 1918 Г.

К.Б. Жучков

Псков, Псковский государственный университет

Наши обыденные представления о жизни в Советской России в первый год после Октябрьской революции во многом основываются или на личных документах об этом времени – дневниках и воспоминаниях, часто беллетризованных, на основе художественной прозы, или, что намного чаще, на основании документальных и художественных фильмов. Между тем в 1918 г. повседневная жизнь в Москве, да и в большинстве центральных губерний Республики, еще была далека от тех мрачных картин, которые традиционно рисуются в нашем воображении при мысли о Гражданской войне в Советской России. Художественные образы советского кинематографа рисуют темные сцены жизни новоиспеченных советских граждан, находящихся в кольце вражеских фронтов, господствующие повсеместно разруха и нищета, всепроникающая партийная и классовая сегрегация. Такое представление о повседневной жизни центральных губерний Советской России в 1918 г. неверно, антиисторично, оно продуцировано поздними явлениями, протекавшими в стране частично в 1919, а наиболее ярким образом в 1920-1922 гг.

В действительности, несмотря на тяжелую войну, продолжавшуюся с 1914 г., на две революции и последовавший за ними «демократический» хаос в жизни общества и государства, в России оставалось еще достаточно ресурсов для поддержания приемлемого уровня жизни в городах. Конечно, по сравнению с довоенным временем, падение уровня жизни граждан было налицо, галопировала, как тогда казалось, инфляция, дефицит простейших товаров заставлял вспоминать с грустью о счастливых довоенных временах. Повсеместно закрывались предприятия, не хватало топлива. Тем не менее, как показали дальнейшие события 1919-1921 гг., и прежде всего расширявшаяся Гражданская война, 1918 г. был относительно благополучным в жизни простых людей, когда деньги были еще в цене, а наличие работы или службы решало практически все обыденные проблемы насущного бытия.

Роль в жизни простых людей ВЧК сильно преувеличена впоследствии, так же как и проникновение в гущу общества партийно-классовых предрассудков и, тем более, репрессивных практик. По этому поводу можно привести многозначительный пример. Осенью 1918 г., когда Московское библиотечное отделение переехало из здания Наркомпроса (бывш. Катковский лицей на Знаменке) в особняк Гагариных на Новинском бульваре, в нем стали предоставлять служебное жилье сотрудникам отдела. Среди квартиросъемщиков оказался сотрудник Аристарх Пет-